

посоветовал мне Гослитиздат Москвы, с которым я почти уже в соглашении. Кроме того, у меня есть 6 книг „Колокола собора чувств“,¹⁸ а также портреты его. Всё это приобретено Гослитмузеем Москвы. Может быть, послать и Вам? Крепко жму Вашу руку и жду ответа. Уваж<ающая> Вас Вера Борисовна Коренди. ЭССР, Таллин ул. Ярве д. 50 кв. 9. 17-VI-56».

Итак, письма двух лично не встречавшихся поэтов, Северянина и Рождественского, дополняют сведения о нелегких бытовых условиях последних недель жизни бывшего «Короля Поэтов». Одновременно они дают представление о наивности и непонимании им серьезности надвигающейся эпохи. Из письма вдовы Северянина В. Б. Коренди видно ее стремление хотя бы посмертно исполнить желание мужа публиковаться на родине и включить его имя в современную советскую литературную жизнь, хотя бы в роли поэта-переводчика.

¹⁸ *Северянин И.* Колокола собора чувств: автобиографический роман в 3 частях. Тарту: Изд-во Вадим Бергман, 1925 (роман в стихах). В личной библиотеке Рождественского книга Северянина «Колокола собора чувств» не была обнаружена.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-232-240

© С. Н. Полтораки, © А. В. Зотова

ОНА СОЗДАЛА ДАНИИЛА ГРАНИНА

Мировая культура знает тысячи примеров, когда мужчины добиваются небывалых высот в различных сферах деятельности: в науке, политике, искусстве, литературе. При этом крайне редко обращается внимание на то обстоятельство, что своими успехами они часто обязаны женщинам — своим секретарям, советникам, соратникам, женам. Пример тому — многолетняя помощь писателю Д. А. Гранину в творчестве со стороны его жены Риммы Михайловны (Ревекки Менделевны) Майоровой.

К сожалению, литературы о ней практически нет, не считая редких упоминаний.¹ Биографические сведения о Р. М. Майоровой удалось обнаружить в Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО), поскольку в годы Великой Отечественной войны Римма Михайловна вместе с Кировским заводом была эвакуирована в г. Челябинск, где с января 1942 года трудилась в техническом отделе завода инженером-технологом по загрузке оборудования.² 31 января 1943 года заседание бюро Челябинского обкома ВЛКСМ приняло решение о назначении Майоровой секретарем Тракторозаводского райкома комсомола г. Челябинска.³ По существу, Римма Михайловна возглавила крупную комсомольскую организацию, костяк которой составляли члены ВЛКСМ, прибывшие в Челябинск из Ленинграда вместе с другими сотрудниками Кировского завода.

Из анкеты-биографии Майоровой, хранящейся в архивном фонде, известно, что она родилась в 1918 году в небольшом городке Велиже в Смоленской области. В 1933-м приехала в Ленинград и поступила в Инженерно-экономический институт. Окончив его в 1938 году, Римма Михайловна стала работать на прославленном Кировском заводе инженером в одном из механических цехов. В 1939-м она была избрана комсоргом механического цеха № 7, а спустя год, в сентябре 1940-го, вошла в состав комитета ВЛКСМ Кировского завода.⁴

¹ *Войтинская О. С.* Даниил Гранин: Очерк творчества. М., 1966.

² Личное дело Ревекки Менделевны Майоровой // Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 485. Оп. 2. Д. 1469. Связка (коробка) 30. Л. 162.

³ Там же. Л. 159.

⁴ Там же. Л. 162.

Вероятно, именно в комитете комсомола Кировского завода состоялось ее знакомство с будущим мужем Даниилом Александровичем Германом (впоследствии — писателем Даниилом Граниным), который, придя на завод после окончания Ленинградского индустриального института, также был членом комитета ВЛКСМ этого предприятия.

Точных данных о том, когда Майорова и Герман (Гранин) создали семью, пока найти не удалось. Имеющиеся сведения довольно противоречивы. Майорова в автобиографии, датированной 1 августа 1942 года, писала: «Муж — Герман Даниил Александрович, работал на Кировском заводе в качестве инженера-электрика энерголаборатории. В настоящее время на Ленинградском фронте комиссар танковой рем. базы — член партии».⁵ Сам же Герман в своем заявлении-анкете, заполненном собственноручно 15 ноября 1944 года при устройстве на работу в «Ленэнерго», в графе «семейное положение» отмечал: «холост». Причем слово «холост» в этом документе им было указано четырежды.⁶ Что бы ни было записано в архивных документах, на практике с осени 1944 года Майорова и Герман жили единой семьей.

В то же время в архивах сохранилось немало источников, содержание которых убеждает в том, что супруга писателя сыграла колоссальную роль в его становлении и развитии как литератора. Рядом с ней он прошел путь от начинающего писателя до всемирной знаменитости.

Творчество писателя Гранина, столетие которого отмечалось в 2019 году, широко известно. Однако мало кто знает, что своим успехом Даниил Александрович во многом обязан своей жене, с которой он прожил 60 лет. У авторов этой статьи нет сомнений в том, что знаменитый писатель не смог бы добиться всемирного признания, если бы рядом с ним не было его верной помощницы — жены.

На протяжении многих десятилетий писатель не впускал в свою жизнь не только посторонних, но и многих хорошо знакомых людей. Публичная личность, знаменитый писатель и деятель культуры, он тщательно скрывал свою семейную жизнь, поскольку считал, что на всеобщее обозрение ее выставлять не следует.

Со своей будущей женой Риммой Майоровой молодой инженер Даниил Герман (в будущем — Гранин) познакомился, как уже отмечалось, незадолго до войны на Кировском заводе в Ленинграде.⁷ Именно туда в августе 1940 года он был направлен по распределению после окончания Ленинградского индустриального института.⁸ Война их разлучила. Майорова уехала в Челябинск,⁹ где работала секретарем райкома комсомола, а Герман воевал под Ленинградом, защищая блокированный город.¹⁰ Вскоре после полного снятия блокады Ленинграда ситуация изменилась. Гранин позже об этом писал так: «В начале 1944 года Римма вернулась в Ленинград. Рожать. Поселилась в нашей комнате. Квартира была пуста. Еще не съехались эвакуированные жильцы и фронтовики. Римма нашла печника, поставила плиту в нашем тесном пенале. Кухня далеко по коридору. Она боялась ходить туда, там хозяйничали крысы. Они первые после блокады реэвакуировались в город. Почувяв съестное, они прогрызли дыру в нашу комнату. Она заткнула дыру осколками бутылки.

Дрова для плиты покупала на Кузнечном рынке. Это за два километра. Дрова продавали вязанками. Купит вязанку и везет ее на трамвае домой. Спит. Маринка там лежит одна. Привезет и тащит эту вязанку дров на пятый этаж. Греет кашу для дочки.

Меня демобилизовали в конце 1944 года. Приезжаю, застаю вот эту картину».¹¹

С ноября 1944 года Гранин, демобилизовавшись, работал в «Ленэнерго», пытаясь в свободное время заниматься литературным творчеством. Позже он вспоминал: «Я писал как бы тайком от себя. Назло себе. По ночам. Я не пытался улучшить свой

⁵ Там же.

⁶ Архив ПАО «Ленэнерго». Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 2.

⁷ *Войтинская О. С.* Даниил Гранин. С. 6.

⁸ Архив университета Петра Великого. Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 14.

⁹ *Войтинская О. С.* Даниил Гранин. С. 6.

¹⁰ Ленинградские писатели-фронтовики: Автобиографии, биографии, книги. Л., 1985. С. 115–116.

¹¹ *Гранин Д. А.* Мой лейтенант. М., 2012. С. 239.

язык, стиль, постигнуть тайны мастерства, мне просто нравилось писать, это было чистое, ничем не замутненное наслаждение графомана. Я корил себя, как за порок, пряча свои рукописи от всех. Жена мирилась с этим. У одних мужья играют в карты, другие пьют, мой чего-то пишет, пусть переберется».¹²

В 1949 году Герману необычайно повезло: ему было предложено вместе с семьей отправиться в долгосрочную командировку в Италию. Жена поначалу горячо поддержала решение мужа уехать на заработки за границу, понимая, что семью в близкой перспективе ожидают достаток и новые интересные впечатления. Но Даниил Александрович в то время уже был основательно увлечен литературным творчеством. Конечно, ничто не предвещало триумфа романа «Искатели», работа над которым только-только началась, но оставляя писательский труд «на общественных началах» молодому автору не хотелось. Наступил момент, когда руководство потребовало четкого ответа: готова ли семья отправиться в заграничную командировку или нет. Многие годы спустя Гранин вспоминал: «Италия избавляла от всех проблем, избавляла от очередей и плесени, от возни с дровами и с печкой, она позволяла покинуть этот напуганный, пришибленный „ленинградским делом“ город и уехать от арестов в неведомую новую нашу жизнь; было сладко, что мы возьмем с собой, что оставим здесь. Я-то думал о своем — я думал о рукописи, есть ли смысл взять ее с собой, что с ней там будет. Посреди ночи, уже под утро, Римма разбудила меня: „Знаешь, я передумала, — сказала она, — все-таки тебе надо закончить роман“».¹³ Из воспоминаний ясно, что в ситуации, которая могла изменить всю последующую жизнь Даниила Александровича, решающее слово было за его женой. Не прими она решение отказаться от командировки мужа в Италию, скорее всего, он не состоялся бы как классик отечественной литературы.

В 1949–1952 годах Герман учился в аспирантуре Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина и одновременно преподавал в том же вузе историю техники.¹⁴ Но литературное творчество все больше захватывало его. В 1952 году он оставил преподавательскую работу и аспирантуру, полностью переключившись на литературный труд. Его авторитет как писателя быстро укреплялся. В 1954 году Гранин стал секретарем Ленинградского отделения Союза писателей СССР.¹⁵

Попав в водоворот творческих и организаторских забот, Гранин полностью отошел от повседневных дел. Римма Михайловна взяла на себя все домашние хлопоты. Ходила за покупками в магазин, готовила вкусную еду, поскольку муж, хотя и не был чревоугодником, поест любил и толк в еде знал. Она взвалила на себя все труды, связанные с учебой дочери в школе. И, кроме того, изо дня в день помогала супругу вести обширную переписку с читателями, издателями, журналистами, редакциями. Корреспонденция увеличивалась с каждым днем. Фактически Римма Михайловна стала квалифицированным секретарем своего мужа, чем снимала с него колоссальную часть технической нагрузки, высвобождая время для творчества.

Жизнь писателя — прежде всего обычная человеческая жизнь: встречи с родственниками, друзьями, коллегами по писательскому цеху, размышления о пережитом и о том, что еще только предстоит пережить. Римма Михайловна органично вписалась в новую писательскую жизнь. Сохранился семейный альбом с фотографиями 1950–1960-х годов, на которых Даниил Александрович и его супруга почти всегда вместе среди близких им людей. Многие фотографии сопровождалась шутливыми подписями и пояснениями, а подчас и рисунками, которые, судя по всему, были сделаны как Граниным, так и Майоровой.¹⁶

¹² Гранин Д. А. Все было не совсем так. М., 2010. С. 223.

¹³ Гранин Д. А. Причуды моей памяти. М., 2008. С. 431.

¹⁴ Личный архив С. Н. Полторака. Личное дело капитана Германа Даниила Александровича. Л. 10.

¹⁵ Русские советские писатели-прозаики: Библиографический указатель: [В 7 т.]. Л., 1959. Т. 1. С. 571.

¹⁶ Альбом с фотографиями Д. А. Гранина и Р. М. Майоровой, его жены, индивидуальными и в группах с родственниками, друзьями и знакомыми. С шутливыми пояснительными надписями и рисунками // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 6. Д. 704. Л. 1–93.

В 1950–1960-е годы у многих писателей пишущие машинки были не всегда. Правда, у Гранина машинка была. Свои произведения он поначалу писал от руки. Римма Михайловна аккуратно их перепечатывала.

Судя по всему, она неплохо владела немецким языком, что позволяло ей брать на себя значительную часть заочного общения с немецкими и австрийскими издателями. Сотрудники литературных журналов и издательств Германской Демократической Республики одними из первых иностранцев обратили внимание на творчество молодого ленинградского писателя. Они выступили инициаторами активного сотрудничества, что крайне заинтересовало Гранина. Но поскольку немецкий язык он знал в рамках программы технического вуза, письма зарубежным партнерам подготавливала его жена. Алгоритм действий, как правило, был таким. Римма Михайловна получала на почте иностранную корреспонденцию, знакомилась с ее содержанием, подчеркивала карандашом главные мысли, а потом подробно пересказывала их мужу. Он чаще всего свой ответ не диктовал, а просто высказывал собственные суждения, которые супруга четко формулировала в письменной форме. Сохранились многочисленные черновики писем, подготовленных Майоровой, с правкой, сделанной рукой Гранина. В архиве имеется черновик послания Гранина редактору Мюллеру-Клауду Вернеру, написанный рукой Риммы Михайловны.¹⁷

Во многом благодаря усилиям Майоровой произведения Гранина уже в начале 1950-х годов узнали за рубежом. Как известно, первой крупной пробой пера стала повесть «Победа инженера Корсакова», вышедшая в свет в Советском Союзе в 1950 году. Уже год спустя эту книгу, которую, вероятно, было бы справедливым считать своеобразными набросками будущего романа «Искатели», издали в Будапеште.¹⁸ Именно венгерские, а не немецкие, как утверждают некоторые исследователи, читатели первыми из стран социалистического содружества ознакомились с произведениями Даниила Гранина. Вслед за повестью «Победа инженера Корсакова» в Венгрии вышла из печати, быть может, самая романтическая работа писателя — повесть «Ярослав Домбровский».¹⁹ Мало кто знает, что это произведение было не только «интеллектуальным долгостроем», наброски которого были сделаны еще в довоенные годы, но и работой, которая чуть не изменила творческое амплу писателя. Гранин в частной беседе с авторами этой статьи как-то признался, что в юности мечтал стать историком. Во многом из-за этого он был увлечен исторической литературой. Особенно его восхищали произведения Ольги Форш. В первые послевоенные годы у Гранина были планы писать на исторические темы. Но повесть «Ярослав Домбровский», хотя и имела успех, все же не стала определяющей в выборе писателем своей будущей литературной стези. Именно Майорова убила его в том, что историческая проблематика при всей своей привлекательности не сулит творческих перспектив. Зная Гранина еще с довоенных лет по совместной работе на Кировском заводе, она понимала, что в Данииле Александровиче мирно уживаются два дарования: талант инженера-политехника и редкое умение ярко и самобытно излагать на бумаге свои мысли. Она обратила внимание мужа на то, что свои технические знания он мог бы использовать в литературном творчестве. То было, как сказали бы теперь, его конкурентное преимущество. Никто из широчайшего круга советских писателей в послевоенные годы не смог бы состязаться с ним в понимании технических и нравственных проблем, которые возникали в инженерной и научной среде советской интеллигенции. Так что Римма Михайловна стала для своего супруга не только музой и соратницей, но и человеком, кардинально повлиявшим на выбор талантливым молодым писателем главного направления своей творческой деятельности.

К ГДР у семьи Гранина все же сложилось особое отношение. В значительной мере на это повлияло то, что писатель прошел всю войну, и немцы были для него не только бывшими противниками, но и нацией-загадкой. Он, вероятно, до конца своих

¹⁷ Письмо Мюллера-Клауда Вернера, редактора. Черновик ответа Д. А. Гранина (рукою жены) // Там же. Оп. 5. Д. 368. Л. 1–9.

¹⁸ *Granyin D. A. Korszákov mérnök győzelme*. Budapest, 1951.

¹⁹ *Granyin D. A. Jaroslav Dombrowski*. Budapest, 1953.

дней не мог понять, как у этого великого народа смогло соседствовать в их ментальности богатство национальной культуры и приятие идей национал-социализма. Возможно, в силу этого любопытства Гранин с особым интересом стремился к сотрудничеству с издательствами Германской Демократической Республики. В этом деле помощь Риммы Михайловны была огромна. Благодаря ей уже в 1958 году в Берлине впервые был опубликован роман «Искатели».²⁰ Это произведение настолько полюбилось немецким читателям, что в 1961-м оно было вновь переиздано в Берлине.²¹ На рубеже 1950–1960-х годов имя молодого ленинградского писателя стало в социалистической Германии хорошо известным. В 1963-м при активном участии Майоровой в переписке с немецкими издателями в ГДР был издан новый роман Гранина «Иду на грозу».²²

На творчество Даниила Александровича обратили внимание не только в социалистических странах. Например, французские издатели раньше многих предложили ему сотрудничество. Римма Михайловна во многом способствовала тому, что в 1956 году французские читатели получили возможность ознакомиться с произведениями восходящей звезды советской литературы.²³ Но если повесть о Ярославле Домбровском представляла интерес для французов, поскольку значительная часть повествования была связана с Парижем, то издание 1958 года явилось очевидным признанием таланта советского писателя.²⁴ Никто не задумывался тогда над тем, что без участия жены прозаика его повести и рассказы вряд ли оказались бы изданы во Франции. На французские издания произведений Гранина практически сразу обратили внимание представители издательств Бельгии и Португалии. Книги, вышедшие в Париже, появились в Королевской библиотеке Бельгии и в ведущих библиотеках Лиссабона.²⁵ Бельгийцы настолько заинтересовались произведениями Гранина, что местные издатели со временем стали выпускать его труды на нидерландском языке.²⁶

В самом начале своего творческого пути молодой писатель был замечен едва ли не во всех европейских странах. Так, в 1957 году в Норвегии вышел из печати его роман «Искатели»,²⁷ который очень хорошо был встречен не только читателями, но и критиками. Таким образом, Римма Михайловна опосредованно способствовала тому, что о творчестве ее мужа узнали во многих странах Европы, не относившихся к государствам социалистического содружества. Именно тогда, в конце 1950-х годов, Майорова в значительной мере заложила основы читательского интереса к его произведениям в странах как Западной, так и Восточной Европы.

Вероятно, будущим исследователям еще предстоит оценить вклад Майоровой в пропаганду произведений Гранина. Во многом благодаря ей книги писателя стали знакомы не только европейским читателям, но и читателям Кубы²⁸ и Японии.²⁹

Почти все коллеги-иностранцы рассматривали Гранина и Майорову как единое целое. Например, чехословацкий историк литературы, писатель, большой знаток творчества Ф. М. Достоевского Франтишек Каутман в своих письмах обращался всегда к ним обоим.³⁰ Писательница и переводчица Дени Лили адресовала свою переписку

²⁰ *Granin D. A. Bahnbrecher: Roman / Aus d. Russ. übers. von E. Margolis. Berlin, 1958.*

²¹ *Granin D. A. Bahnbrecher: Roman / [Aus d. Russ. übers. von E. Margolis]. Berlin, 1961.*

²² *Granin D. A. Zählung des Himmels: Roman / [Aus d. Russ. übertr. u. leicht gekürzt von Karl-Eugen Wädekin]. Stuttgart, 1963.*

²³ *Granin D. A. Dombrowsky / Traduit du russe par G. Arout. Paris, 1956.*

²⁴ *Granin D. A. Les Chercheurs / Roman traduit du russe par P. Kolodkine. Paris, 1958.*

²⁵ *Granin D. A. La pluie sur la ville: récits et nouvelles / Traduit du russe. Paris, 1978.*

²⁶ *Adamovich A., Granin D. Leningrad: belegerde stad 1941–1944. Berchem, 1993.*

²⁷ *Granin D. A. De som søker / Oversetter I. Pettersen. Oslo, 1957.*

²⁸ *Granin D. A. La brecha en el muro. La Habana, 1978.*

²⁹ *グラウニン 著. 偉大な生物学者の伝説 (現代のロシア文学; 第2期 第7巻) / 佐藤祥子 訳. ブープル. 群像社, 1992 (Гранин Д. А. Зубр); *アレーシ・アダーモビチ, ダニール・グラウニン 著. 一九四一→一九四四年のレニングラードドキュメント / 宮下トモ子 ほか訳. 封鎖・飢餓・人間. 下新時代社, 1986 (Адамович А., Гранин Д. А. Блокадная книга).**

³⁰ «Картина». Роман. Ч. 1. Т. 3. Машинопись // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 3. Д. 31. Л. 1.

не только Даниилу Александровичу, но и Римме Михайловне.³¹ Им обоим одновременно писала и переводчица Зигрид Фишер,³² восточногерманские издатели Леонард Кошута и Шарлотта Вассер.³³

Анализ этой корреспонденции убеждает в том, что зарубежные переводчики, издатели, критики и писатели видели в Гранине и Майоровой не только мужа и жену, но и прочный творческий союз.

Не секрет, что Гранин обладал удивительной способностью чувствовать потребности общества в высоких нравственных ориентирах. Чаще всего такие ориентиры виделись ему в лице выдающихся отечественных ученых и их учеников. К выбору таких персоналий писателя всегда вела особая дорога, не похожая на те, по которым он шел прежде. В середине 1960-х годов Даниил Александрович очень заинтересовался жизнью и творчеством академика Н. И. Вавилова. Писатель накопил огромный объем информации об этом выдающемся деятеле советской науки. Процесс накопления был разнообразным. Что-то об ученом Гранин находил сам, какие-то данные присылали коллеги-писатели, такие, например, как М. А. Поповский, но многие сведения были получены благодаря усилиям Риммы Михайловны. Так, Майорова подготовила для мужа краткую справку об аспиранте Вавилова — Бахтееве, которую в дальнейшем Даниил Александрович использовал в своей работе.³⁴

Нередко коллеги Гранина, зная о роли, которую играла Римма Михайловна в деятельности мужа, свои деловые письма обращали непосредственно к ней. Так поступал, например, известный литературовед А. Е. Горелов,³⁵ крупный знаток творчества Ф. И. Тютчева, А. В. Сухова-Кобылина, И. А. Бунина.

Творческие запросы Гранина были очень разнообразными. Он превосходно знал отечественную и зарубежную живопись, часто размышлял о восприятии художниками окружающего мира. В частности, многие ценители искусства по праву считали Даниила Александровича одним из лучших специалистов в области исследования отечественного авангарда. Нет сомнения в том, что в живописи хорошо разбиралась и Римма Михайловна. Оба они состояли в переписке с Евдокией Николаевной Филоновой — сестрой художника П. Н. Филонова.³⁶

Семье Гранина приходилось общаться не только с профессиональными деятелями литературы и искусства, но и с начинающими писателями и многочисленной читательской аудиторией. Эта часть гранинских контактов обычно нуждалась в простой человеческой поддержке, одобрении, дружеском совете. Римма Михайловна за время литературного труда своего мужа настолько прониклась его делами и заботами, что во многом, вероятно, даже мыслила как ее супруг. Возможно, поэтому она брала на себя эпистолярное общение с теми людьми, для которых был важен сам факт гранинского участия в их жизни.

Даниил Александрович лично читал все без исключения письма, приходившие на его адрес. Но в общении с сотнями земляков и иностранцев Римма Михайловна была тем связующим звеном, которое подчас становилось уже не передаточным, а было самостоятельным явлением в отношениях между людьми.³⁷ Никто из читателей

³¹ Письмо Дени Лили, писательницы и переводчицы, Гранину Д. А. и Римме Михайловне, его жене // Там же. Д. 151. Л. 1–9.

³² Письмо Фишер Зигрид, переводчицы, Гранину Д. А. и Римме Михайловне, его жене // Там же. Д. 134. Л. 1–46.

³³ Письмо Кошута Леонарда и Вассер Шарлотты, издателей (ГДР), Гранину Д. А. и Римме Михайловне, его жене. С приложением фотографий. На русск. и нем. яз. // Там же. Д. 119. Л. 1–86.

³⁴ Выписки из следственного дела академика Н. И. Вавилова, сделанные писателем М. А. Поповским. С приложением заметок Р. Майоровой, жены Д. А. Гранина, об аспиранте Н. И. Вавилова Бахтееве. Автограф Р. Майоровой. Машинопись // Там же. Оп. 5. Д. 529. Л. 1–54.

³⁵ Письма Горелова Анатолия Ефимовича, литературоведа (г. Луга; Дом творчества писателей «Малеевка», Московская обл.), Д. А. Гранину. Одно из писем адресовано Р. М. Майоровой, жене Д. А. Гранина // Там же. Оп. 6. Д. 207. Л. 1–5.

³⁶ Письмо Глебовой Евдокии Николаевны, сестры художника П. Н. Филонова, Гранину Д. А. и Римме Михайловне, его жене // Там же. Оп. 3. Д. 179. Л. 1–2.

³⁷ Письмо Сахарова Геннадия, начинающего писателя, Римме Михайловне, жене Д. А. Гранина (Минск) // Там же. Оп. 5. Д. 218. Л. 1–20.

и почитателей гранинского таланта никогда не был обделен вниманием. В ЦГАЛИ Санкт-Петербурга отложилось немало документов, например писем студентам, которые от начала до конца были написаны рукой жены писателя. Остается лишь догадываться, составлялись ли они под диктовку Даниила Александровича, или текст готовила сама Римма Михайловна, но нет сомнения в том, что ни одна строчка не была отправлена адресату без участия мужа. Архивы сохранили многочисленные черновики, написанные женой Гранина, но чистовики всегда перепечатывались Риммой Михайловной на машинке, а внизу стояла запоминающаяся размашистая подпись Даниила Александровича.³⁸

Известно, что писатель время от времени занимался литературными переводами книг полюболюбившихся ему авторов. Однажды, побывав в творческой командировке в Молдавии, он ближе ознакомился с произведениями писателя И. К. Чобану. Особое впечатление на Гранина произвел его рассказ «Чужак», который, естественно, был написан на молдавском языке и так и просился быть переведенным на русский язык. Даниил Александрович с интересом взялся за подготовку литературного перевода. Перевод оказался удачным, и рассказ в начале 1978 года был опубликован в журнале «Нева». Благодаря той публикации Чобану стал хорошо известен многим советским читателям. Но в тени остался труд Риммы Михайловны, которая основательно поработала над переводом мужа.³⁹

Следует заметить, что многие писательские жены в разные времена были достойными соратницами своих мужей. Среди современников Гранина и Майоровой были и другие писательские жены, ставшие надежной опорой для своих мужей. Один из самых ярких примеров — Марина Николаевна Чуковская — жена писателя Н. К. Чуковского, сына знаменитого К. И. Чуковского. Она была не только помощницей своего мужа, но и талантливым переводчиком. Марину Николаевну и ее мужа Николая Корнеевича связывали добрые дружеские отношения с семьей Гранина. Случалось, например, что, когда Марина Николаевна отправляла деловое письмо Даниилу Александровичу, она прикладывала к нему отдельную записку, адресованную его жене.⁴⁰

Вольно или невольно Римма Михайловна глубоко проникалась жизнью и заботами мужа. Это касалось не только его творчества, но и многочисленных общечеловеческих связей. Нередко случалось, что литературное и дружеское начала сливались воедино. Так было, в частности, когда Гранин в середине 1980-х годов занимался сбором материала для своей в будущем знаменитой повести «Зубр». Как известно, прототипом главного героя произведения стал выдающийся ученый-биолог, генетик Н. В. Тимофеев-Ресовский. Семья писателя на протяжении ряда лет общалась с семьей этого яркого исследователя. Если сложившиеся в результате общения впечатления о Тимофееве-Ресовском Даниил Александрович изложил в своем произведении, то Римма Михайловна написала о них скромные и никому пока не известные воспоминания, которые продолжают храниться в архивных фондах.⁴¹ Эти воспоминания — убедительное подтверждение того, что образ, созданный талантом Гранина, многократно осмысливался и обсуждался в рамках семьи — замечательного творческого союза писателя и его супруги.

Поскольку Гранин был не только видным писателем, но и крупным общественным деятелем, Римме Михайловне доводилось на протяжении длительного времени, особенно в 1980–1990-е годы, помогать мужу в развитии контактов с крупными чиновниками, ведавшими институтами культуры, а также с деятелями театра, кино, телевидения и учреждений искусств. По поручению мужа, например, Майорова готовила от его имени письма на русском и немецком языках, адресованные заместителю мини-

³⁸ См., например: Письмо Седовой Натальи, студентки ЛГУ (Ленинград). Черновик ответа Д. А. Гранина, рукою жены писателя, Л. 1 об. // Там же. Д. 220. Л. 1–2.

³⁹ Там же. Оп. 4. Д. 55. Л. 1–32.

⁴⁰ Письмо Чуковской Марины Николаевны, переводчика, жены Н. К. Чуковского, писателя (Москва), Д. А. Гранину. С приложением записки Майоровой Римме Михайловне, жене Д. А. Гранина // Там же. Оп. 6. Д. 450. Л. 1–2.

⁴¹ Воспоминания о Н. В. Тимофееве-Ресовском Р. М. Майоровой, жены Д. А. Гранина; О. И. Патрушевой, биолога; О. А. Цингера, художника // Там же. Д. 21. Л. 1–41.

стра культуры ГДР Клаусу Хёпке.⁴² Она составляла письма — ответ Гранина на обращения к нему секретаря секции литературы и культуры языка Академии искусств ГДР Вольфганга Кольхаазе.⁴³ Да и с самим президентом Академии искусств ГДР Манфредом Веквертом советский писатель общался во многом благодаря письмам, подготовленным Риммой Михайловной.⁴⁴ Жена писала от имени Гранина и известному немецкому театральному деятелю Герте Байнеман.⁴⁵

Как известно, судьба главной героини документальной повести «Клавдия Вилор», за которую писатель позже был удостоен Государственной премии СССР, вызвала у него едва ли не нервное потрясение. Стойкость советской женщины, пережившей унижения нацистского плена, выстоявшей в борьбе не только с врагом, но и со своими страхами не выдержат истязания, привела его вместе с женой к размышлениям о судьбе женщины вообще, о ее трагической роли в период военных невзгод. Римма Михайловна в ходе работы Гранина над повестью жила мыслями и переживаниями мужа. Так же, как и он, Римма Михайловна общалась с героиней повести, а после ее кончины с ее дочерью Н. Покровской.⁴⁶

С годами Майорова начала отходить от главного дела своей жизни — помощи Гранину в его писательском труде. В конце 1990-х — начале 2000-х годов все больше сказывались болезни. Под тяжестью лет все труднее становилось брать на себя организаторские заботы: переписку с издательствами и редакциями журналов, общение с деятелями культуры. Но Римма Михайловна, несмотря на частые недомогания, продолжала оставаться верным другом и советчиком маститого писателя. Феномен Гранина известен: и после 90 лет он продолжал активно работать, будучи, пожалуй, самым «возрастным» писателем не только в России, но и в мире. И хотя Майорова в последние годы своей жизни уже не могла активно помогать мужу в организации его публикаций как в нашей стране, так и за рубежом, она оставалась ближайшим другом Даниила Александровича, который видел в ней мудрого советчика и просто любимую женщину. Задел, сделанный Риммой Михайловной многие десятилетия назад в налаживании связей между Граниным и издателями разных стран, продолжал работать. В частности, в Великобритании в 2007 году на английском языке был опубликован пронзительный труд Гранина и А. М. Адамовича «Блокадная книга».⁴⁷

Возможно, самым страшным жизненным событием для Гранина стала кончина жены в 2004 году. Сам писатель спустя годы об этом с горечью размышлял: «Смерть жены после многолетнего брака — это потрясение. Сметаются все устои, все привычки. Прежде всего, обнаруживается пустота. Пустое место за ужином. Кресло, где она сидела — пустое. Ни в одной комнате ее нет. По привычке торопился домой, она там одна-одинешенька, ждет. Вошел, понимание, что никто не ждет. Несу домой новость, не терпится рассказать, никого нет. Каждый раз забываю, что ее нет.

Платяной шкаф. Там всегда было тесно от ее кофточек, блузок, юбок. Мы их раздали. Покачиваются пустые плечики. Мне надо узнать, когда к нам приезжал Роберт Фрост, какие стихи он читал. Спросить не у кого, она была единственная, кто помнил. Все больше и больше вещей, которые она знала, а я не знаю, не помню и уже не узнать, кругом посторонние люди. Набирается целый материк безответного, того, что мне уже никогда не выяснить. Кругом необитаемый мир».⁴⁸

⁴² Хёпке Клаус, заместитель министра культуры. На нем. и русск. яз. Копии писем Д. А. Гранина Клаусу, лл. 1, 5 (рукою жены) // Там же. Оп. 5. Д. 381. Л. 1–17.

⁴³ Кольхаазе Вольфганг, секретарь секции литературы и культуры языка Академии искусств. Черновики ответов Д. А. Гранина, Л. 2 (рукою жены), Л. 8 // Там же. Д. 357. Л. 1–10.

⁴⁴ Векверта Манфреда, президента Академии искусства ГДР. На нем. и русск. яз. Черновик ответа Д. А. Гранина (рукою жены), Л. 2 // Там же. Д. 345. Л. 1–3.

⁴⁵ Байнемана Герта, театрального деятеля. На нем. и русск. яз. Черновик ответа Д. А. Гранина (рукою жены), Л. 4 // Там же. Д. 340. Л. 1–4.

⁴⁶ Письмо Р. М. Граниной, жены Д. А. Гранина, Покровской Нелли, дочери К. Д. Вилор, героини повести Д. А. Гранина «Клавдия Вилор» // Там же. Оп. 4. Д. 424. Л. 1.

⁴⁷ *Adamovich A., Granin D. Leningrad under siege: first-hand accounts of the ordeal / Translated by C. Burstall & V. Kissel'nikov. Barnsley, 2007.*

⁴⁸ *Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 454–455.*

Сейчас Римма Михайловна и Даниил Александрович — вновь рядом. Они покоятся на кладбище поселка Комарово в Ленинградской области.

Майорова удивительным образом сочетала в себе несочетаемое. Она была яркой личностью, оставаясь при этом в тени славы своего прославленного супруга. Она была настолько внутренне интересна и привлекательна, что с ней общались и дружили многие женщины — знаменитости своего времени. Среди них, например, выдающаяся советская легкоатлетка, бегунья на короткие дистанции, четырехкратная чемпионка Европы Мария Леонтьевна Иткина.⁴⁹

Римма Михайловна не только умела брать на себя заботу о быте Даниила Александровича, его трудах, но и сопереживала всем трудностям, а порой и опасностям, которые сопровождали деятельность гордого писателя, не умевшего кланяться начальству. Она вместе с мужем глубоко погружалась в проблемы, возникавшие у Даниила Александровича в процессе его творчества.

Изучая роль Майоровой в деятельности Гранина, мы приходим к твердому убеждению: без ее участия и поддержки писатель никогда не достиг бы своих литературных высот.

⁴⁹ Письмо Иткиной Марии, спортсменки, Гранину Д. А. и Римме Михайловне, его жене // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 3. Д. 191. Л. 1.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-240-251

© Я. В. Нагорная

СВЯТОЧНЫЕ ОБХОДЫ ДВОРОВ В ПОМОРЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ ПУШКИНСКОГО ДОМА)*

Зимние Святки (период между Рождественским сочельником и кануном Крещения), как один из наиболее развитых обрядовых комплексов праздничного календаря поморов, не раз являлись предметом специального исследования.¹ Несмотря на длительную историю изучения, мы до сих пор не располагаем работами обобщающего характера, в которых сравнивались бы календарные праздничные комплексы различных регионов Поморья.

Данная статья является попыткой отчасти восполнить этот пробел и проанализировать традицию святочных обходов домов на Зимнем и Летнем берегах Белого моря на основе полевых данных, собранных участниками фольклорно-археографических экспедиций ИРЛИ РАН в Поморье в период с 1970-х² до 2019 года.³

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 17-78-20194 «Фольклор Белого моря в современных записях: исследования и тексты».

¹ Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. М., 2009; Конкка А. П. Календарные обряды карел XIX — начала XX в. // Финно-угры и соседи. Проблемы межэтнических контактов на территории Балтийского и Баренц-регионов. СПб., 2002. С. 218–249; Ковыршина Ю. И. Материалы по календарной традиции Карельского берега Белого моря // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография. Петрозаводск, 2010. С. 154–200; Самойлова Е. Практики «дарообмена» в ритуальной культуре поморской деревни нач. XX — нач. XXI вв. // Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера «Рябининские чтения 2011». Петрозаводск, 2011. С. 160–163.

² В экспедициях 1975–1976 годов на Зимний, Летний и Онежский берега Белого моря принимали участие сотрудники ИРЛИ РАН П. С. Выходцев, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, А. Н. Мартынова, Г. В. Матвеев, В. А. Смирнов, А. Д. Троицкая, Н. И. Хомчук.

³ В состав экспедиций на Терский, Зимний и Летний берега Белого моря входили Д. В. Агафонова, А. Ю. Балакин, А. Б. Бильдюг, А. И. Васкул, М. Н. Власова, Н. Г. Комелина, Г. Н. Мех-